

В. Д. Ермаков

Советские поэты о И. Сталине и сталинизме глазами историка

Анализируются стихи российских поэтов – О. Мандельштама, Б. Чичибабина, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, Н. Коржавина, Б. Окуджавы, Б. Слуцкого и др. об И. Сталине и сталинизме, в которых отражено создание ГУЛАГа, оформление в стране системы доноительства и репрессий, переселение народов, заподозренных в нелояльности по отношению к режиму власти, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и подвиг советского народа в борьбе с фашизмом и нацизмом, Великая Победа, влияние культа личности Сталина на все стороны жизни страны в прошлом и последствия его воздействия на умонастроения в современной России.

Ключевые слова: И. Сталин, сталинизм, культ личности, политическая поэзия, советская поэзия, О. Мандельштам, А. Ахматова, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Слуцкий

Vladimir D. Ermakov

Soviet poets about I. Stalin and Stalinism in the eyes of historians

The article represents the analysis of the poetry of the Russian poets – O. Mandelstam, B. Chichibabin, A. Akhmatova, E. Evtushenko, N. Korzavin, B. Okudzhava, B. Slutsky and others, devoted to the establishment of Gulag, the formation of the system of whistle-blowing and oppressions, resettlement of peoples, that were suspected in disloyalty to the regime, the Great Patriotic War of 1941–1945, Great Victory, the influence of the cult of personality of Iosif Stalin on all the aspects of the country's life in the past and the impacts and effects on the state of minds in contemporary Russia.

Keywords: Iosif Stalin, Stalinism, cult of personality, political poetry of Soviet poets, O. Mandelstam, A. Achmatova, E. Evtushenko, B. Okudzhava, B. Slutsky
DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-17-25

В отечественной поэзии тема сталинизма и образ вождя занимают особое место. Как правило, с приближением очередной «круглой» даты со дня Великой Победы советского народа над нацизмом и фашизмом в 1945 г. интерес россиян к роли И. Сталина в войне возрастает. При этом часть населения нашей страны положительно оценивает роль Сталина не только в войне, но и в жизни страны в 1930-х – первой половине 1950-х гг.

В данной статье автор хотел бы предложить читателю оценить личность Сталина как общественного деятеля, стоявшего во главе Советского Союза на протяжении длительного времени, глазами известных советских (российских) поэтов. При этом из огромного числа стихов были отобраны только те из их числа, которые, на мой взгляд, взгляд историка, в наибольшей степени точно, пронзительно и достоверно отразили и само время, и место в нем кровавого вождя.

При этом необходимо учесть одно обстоятельство: ряд авторов стихов, приводимых далее в работе, в свое время писали о Сталине хвалебные строки. Это происходило под воздействием мощнейшей пропагандистской машины, от незнания реальных действий сталинской репрессивной системы, в конце концов ради возможности творить, увидеть свои стихи опубликованными на страницах литературных

журналов и книг, а иногда просто ради куска хлеба. Лишь немногие поэты смогли написать правду о вожде еще при его жизни и отметить культ личности Сталина (О. Мандельштам, А. Ахматова). Содержание таких стихов они скрывали насколько могли, так как в то время платой за их написание была смерть.

Поэтическое осознание роли Сталина в нашей стране, стоившее поэту жизни, показал в 1934 г. О. Мандельштам (см. Прил. 1).

А. Ахматова в своей поэме «Реквием», написанной с длительными перерывами в 1930–1960-х гг. пронзительно показала драму народа в период массовых репрессий, когда тысячи и тысячи советских граждан, в основном женщины, должны были часами и сутками стоять у входа в тюрьмы и пытаться хоть что-то узнать о своих близких, о причинах их ареста и об их дальнейшей судьбе (см. Прил. 2).

Б. Слуцкий в стихотворении «РККА» поэтически передал трагедию массовых репрессий в Красной армии в отношении высшего командного состава и их влияние на поражения войск СССР от армейской машины нацистской Германии в начальный период Великой Отечественной войны (см. Прил. 3).

Известно, что начало массовым репрессиям в РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) положил так называемый «заговор военных»,

сфабрикованный процесс о якобы существующей «антисоветской троцкистской военной организации», который в печати часто называли «военно-фашистским заговором» или еще проще – «делом маршала Тухачевского».

В ходе разбирательства по этому делу в августе 1936 г. были арестованы комкомры В. М. Примаков, С. А. Туровский, а также советский военный атташе в Великобритании В. К. Путна, а в конце мая 1937 г. – командармы 1-го ранга И. Э. Якир, И. П. Уборевич, Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский, армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник (застрелился), командарм 2-го ранга А. И. Кокр, комкор Б. М. Фельдман, комбриг М. Е. Медведев.

На протяжении длительного времени в отечественной историографии идут жаркие споры о том, был ли в СССР «заговор военных» направленный против существующего в стране антинародного режима во главе с И. Сталиным или нет?

Сегодня можно достаточно уверенно говорить о том, что никаких документальных доказательств на этот счет нет. Попытка определенного количества высокопоставленных военных выступить со справедливой критикой в адрес некомпетентного в ряде вопросов, связанных с управлением РККА, наркома обороны К. Е. Ворошилова нельзя считать заговором.

Появляющиеся в печати на протяжении ряда лет слухи, намеки, догадки, а то и просто «сенсации» по поводу якобы существовавшего «заговора военных» во главе с Маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским, как и практически «достоверные сведения» о том, что якобы в документальных хранилищах ФСБ точно есть документы, подтверждающие это, но они спрятаны под грифом «совершенно секретно!» и т. д., и т. п. не выдерживают никакой критики. К тому же за последние десятилетия опубликовано значительное число документов, в том числе и протоколы допросов арестованных военных во главе с М. Н. Тухачевским, но и они, даже косвенно, не подтверждают факта существования заговора.

Многочисленные комиссии по реабилитации репрессированных генералов и маршалов в своих решениях не зафиксировали даже минимальное количество хотя бы каких-то достоверных документов, говорящих о существовании заговора. Ссылки на «признания» арестованных, которые были выбиты путем изуверских пыток и истязаний, состряпанные под диктовку малообразованных следователей-садистов и палачей, не могут считаться доказательством их вины. Внимательное изучение и простой анализ этих «признаний» показывает, что в стране в условиях тотального контроля со стороны силовых структур, постоянной слежки и доноительства,

было невозможно создать даже на короткое время крупную организацию, которая смогла бы подготовить заговор против Сталина и его ближайшего окружения. В силу перечисленных обстоятельств это стало бы практически сразу же известным властям.

Конечно, в Советском Союзе в обществе, как и в армии, существовало определенное недовольство проводимой в стране политикой. Тяжелое социально-экономическое положение большей части населения, нужда и нищета, а также диктатура одного человека – все это вызывало определенное противодействие и сопротивление. И надо сказать, что И. Сталин, будучи мастером интриг и разного рода провокаций, решил нанести превентивный удар по своим возможным и наиболее опасным, по его мнению, оппонентам, т. е. по верхушке РККА, которая в его глазах при определенных обстоятельствах и политической ситуации могла стать реальной силой в борьбе за власть.

Именно отсутствие такого заговора и его участников, на наш взгляд, привело к тому, что «Хозяин» (И. Сталин) стал уничтожать десятки, а потом и сотни генералов, включая некоторых маршалов, в ком он видел хоть малейшую опасность для себя. Потерять власть означало для него и политическую, и физическую смерть. Этого допустить он не мог. Начавшиеся репрессии в стране вскоре вышли из-под контроля вождя и на каком-то этапе перешли в Большой террор, приняв массовый, плохо управляемый и неконтролируемый характер, поставив страну на край пропасти накануне тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны.

Один из самых авторитетных специалистов в изучении проблемы репрессий в РККА. О. Ф. Сувениров еще в 1998 г. констатировал: «Что касается версии о наличии военно-фашистского заговора в РККА», то уже в середине 50-х годов в результате дополнительных проверок было установлено, доказано и закреплено в таких, имеющих юридическую силу документах, как заключения Главной военной прокуратуры и определения Военной коллегии Верховного суда СССР, что никакого такого заговора в РККА не существовало, что она (версия) была сочинена в недрах НКВД и принесла огромный урон Красной Армии» [1, с. 89].

На наш взгляд, весьма значимым в связи с «заговором военных» является свидетельство человека, являвшегося на момент начала и развития Большого террора далеко не последним чиновником в пирамиде сталинской власти, П. А. Судоплатова, заместителя начальника 1-го (Разведывательного) управления НКГБ СССР: «Уголовное дело против Тухачевского целиком

основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют. Если бы такие документы существовали, то я как заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании» [2, с. 138].

В последние годы и даже десятилетия многие исследователи, обращавшиеся к теме репрессий в Красной армии, называли разное число репрессированных генералов или лиц, приравненных к ним (генеральские звания были введены в СССР 7 мая 1940 г.). Сегодня абсолютное большинство отечественных историков солидарно с данными О. Ф. Сувенирова, составившего «Сводную таблицу результатов истребления лиц высшего комначполитсостава РККА в 1936–1941 гг.» Согласно этой таблице, «из категории от комбрига до маршала было расстреляно 729 командиров, умерли в тюрьмах – 63, покончили жизнь самоубийством – 10 и вышли из тюрьмы живыми – 130 человек. Общее количество жертв среди лиц высшего командного состава составило 932 человека» [1, с. 305].

Сталинский «репрессивный удар» по военным кадрам – было выбито высшее звено начальствующего состава не только армии (Генштаб, Военный Совет при Народном комиссаре обороны, Главный военный Совет РККА, командование военными округами, командование корпусов и дивизий), но и командование ВМФ, разведки, ВВС и ПВО, руководство высшими военными учебными заведениями, включая и Академию Генерального штаба, а также конструкторы и инженеры, руководители различных НИИ, директора военных заводов оборонной промышленности, которые в большинстве своем имели высокие воинские звания, – нанес колоссальный урон в деле защиты отечества в условиях начавшейся 1-го сентября 1939 г. Второй мировой войны. Репрессии против советского генералитета на длительное время практически парализовали деятельность всех центральных органов управления армией и флотом, что в конечном счете крайне негативно отразилось в процессе подготовки к отражению нападения нацистской Германии.

Состояние страха, неопределенности, подавленности в РККА после страшных 1937–1938 гг. чутко уловил выдающийся советский писатель и поэт К. М. Симонов, говоря о сотнях репрессированных командиров высшего звена: «Вопервых, погибли не они одни. Вслед за ними и в связи с их гибелью погибли сотни и тысячи других людей, составлявших значительную

часть цвета нашей армии. И не просто погибли, а в сознании большинства людей ушли из жизни с клеймом предательства. Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии – в данном случае я говорю только об армии – начать приходить в себя после этих страшных ударов. К началу войны этот процесс еще не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины» [3, с. 99].

Абсолютное большинство из 130 вышедших на свободу из ГУЛАГа и тюрем генералов прекрасно проявили себя в годы Великой Отечественной войны на полях сражений. Многие из них стали видными полководцами, награжденными многочисленными воинскими наградами. Стал Маршалом Советского Союза, дважды Героем Советского Союза К. К. Рокоссовский. Маршалами родов войск стали: С. И. Богданов, Маршал бронетанковых войск (дважды Герой Советского Союза), Маршал авиации Г. А. Ворожейкин.

Звание генерал-полковника получили: К. Н. Галицкий (Герой Советского Союза), А. В. Горбатов (Герой Советского Союза), В. Д. Цветаев (Герой Советского Союза), В. А. Юшкевич, В. В. Корчиц, К. П. Трубников, Ф. Ф. Жмаченко (Герой Советского Союза), Г. С. Зашихин (генерал-полковник артиллерии), М. Д. Соломатин (генерал-полковник танковых войск). Генерал-полковниками артиллерии стали Г. Е. Дегтярев и Н. М. Хлебников (Герой Советского Союза), репрессированные в звании полковников. На флоте звание инженер-адмирала получил А. И. Берг (Герой Социалистического Труда).

Звания генерал-лейтенанта получили: М. А. Антонюк, Е. А. Беркалов, А. В. Благодаров, М. Ф. Букштынович, М. И. Глухов, К. П. Подлас, С. А. Спильниченко, М. Г. Ефремов, Я. Д. Чернышев, Л. Г. Петровский, Я. П. Дзенин, И. В. Сафронов, В. А. Зайцев, А. И. Зыгин, М. И. Запорожниченко, П. М. Козлов, М. Ф. Куманин, В. А. Мозолевский, И. П. Корчагин (Герой Советского Союза), А. М. Куцев (Герой Советского Союза), И. П. Сухов (Герой Советского Союза), И. Д. Васильев (Герой Советского Союза), В. Н. Чернышев, Я. Д. Чанышев, А. Б. Елисеев, Ф. А. Пархоменко.

В годы Великой Отечественной войны стали генерал-лейтенантами арестованные и репрессированные в звании полковников: В. Г. Бурков, Д. К. Бранткалн, Л. И. Кожухов, И. К. Кравцов (Герой Советского Союза), А. М. Максимов,

П. Д. Малышев, П. Д. Мирошников, В. В. Степичев, В. Г. Поздняк, И. С. Стрельбицкий.

На службе в ВМФ звание вице-адмирала получили: А. К. Векман и С. П. Ставицкий, а также арестованный до войны в звании капитана 2-го ранга Г. Н. Холостяков [4–17].

Воистину можно констатировать, что перед лицом страшной опасности, которая нависла над страной после 22 июня 1941 г. генералы, вышедшие на свободу после тяжелейших испытаний и тюремно-лагерной жизни, забыв об обидах и оскорблениях, стали воевать самым достойным образом. Они еще раз доказали свою любовь к Родине, а не к сталинскому антинародному террористическому режиму.

Для вышедших на свободу генералов словами героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: «... война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления» по сравнению с ужасами ГУЛАГа [18, с. 213].

Одной из форм политических репрессий в СССР была депортация народов, происходившая в годы Великой Отечественной войны, когда все силы страны были брошены на борьбу с врагом. По приказу И. Сталина тотальной депортации якобы за сотрудничество с немецко-фашистскими войсками и явное сочувствие врагу были подвергнуты: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы, не говоря уже о депортациях в Советском Союзе целого ряда других этноконфессиональных и социальных категорий советских граждан. Это происходило в то время, когда большинство взрослых мужчин, представлявших эти народы, было на фронте и героически сражалось с врагом, даже не подозревая, что происходило на их малой родине. Именно об этом в стихотворении, посвященном поэту Кайсыну Кулиеву, написал Б. Слуцкий:

«Поэты малого народа,
Который как-то погрузили
В теплушки, в ящики простые,
И увозили из России,
С Кавказа, из его природы
В степи, в леса, в полупустыни –
Вернулись в горные аулы,
В просторы снежно-ледяные,
Неся с собой свои баулы,
Свои коробья лубяные.

Выпроваждали их с Кавказа
С конвоем, чтоб не убежали.
Зато по новому приказу –
Сказали речи, руки жали.
Поэты малого народа –
И так бывает на Руси –

Дождались все же оборота

Истории вокруг оси...» [19, с. 287].

И. Сталин прекрасно понимал, что главным виновником за разгром РККА и неготовность Советского Союза к войне в начальный ее период был он сам. Долгое время в Советском Союзе скрывалось истинное количество погибших советских граждан в годы Великой Отечественной войны. Официально Сталиным была названа цифра погибших в войне в семь миллионов человек. Это была страшная ложь, так как сегодня, спустя десятилетия, мы знаем, что СССР потерял более 27 миллионов своих граждан. Так же не были названы точные цифры и колоссальных материальных потерь. К тому же около 80 миллионов советских граждан временно, где-то на протяжении всего лишь нескольких месяцев, а где-то – на несколько лет оказались на занятой врагом территории. Они по прихоти вождя также считались чуть ли не преступниками и должны были на протяжении длительного времени доказывать свою лояльность режиму. На десятилетия это «преступное пятно» в биографиях советских граждан отражалось в заполняемых ими анкетах. Там стоял вопрос: «Были ли Вы или Ваши родственники на оккупированной территории?» Даже малолетние дети, родившиеся в войну «не на той территории СССР», оказывались в рядах неблагонадежных. Естественно, что признал свои преступные по масштабам и значению «ошибки» вождь публично лишь однажды и то в тосте на банкете по случаю Победы в июне 1945 г., что точно подметил в своем стихотворении «Терпенье» Б. Слуцкий (см. Прил. 4).

Сталинский тост, произнесенный в связи с проведением Парада Победы, явился в определенной степени неким водоразделом по отношению и к окончанию войны, и к фронтовикам. Лишь 9 мая 1945 г. был объявлен государственным праздничным днем в стране, а все последующие годы при Сталине это событие разветвленная пропагандистская советская машина уже особенно не выделяла. Яркие пропагандистские речи и торжественные встречи фронтовиков с фронта вскорости закончились, и начались суровые будни. По воле вождя всячески вытравлялась фронтовая вольница, уже и в грош не ставились недавние военные заслуги, заработанные на фронте под постоянным огнем врага и с риском для жизни ордена и воинские звания. Многие герои-фронтовики, включая и выдающихся советских военачальников, оказались в опале, были подвергнуты репрессиям.

Трагедией для страны стало появление миллионов так называемых «детей врагов народа», т. е. детей репрессированных советских граждан независимо от их социального положения. В об-

ществе появилась презируемая большинством населения страны аббревиатура ЧСИР (члены семей изменников родины).

Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 000486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины», подписанного наркомом внутренних дел СССР Н. И. Ежовым 15 августа 1937 г. в самый разгар начавшегося в стране Большого террора, жены осужденных за «контрреволюционные преступления», а это могли быть представители всех многочисленных народов, населяющих Советский Союз, и все слои советского общества от руководителей партии и правительства до обычных рядовых граждан, подлежали аресту и заключению в лагеря на 5–8 лет, а их дети в возрасте от 1–1,5 до 15 лет направлялись в детские дома. При этом, если в семье было несколько детей, то их направляли в разные детские приемники, чтобы братья и сестры не могли быть вместе и как можно скорее забыли, кем они на самом деле являются, чью носят фамилию. Никакие уговоры оставить их вместе, плач и слезы не помогали. Очень часто маленьким детям, оставив имя, к которому они привыкли, меняли фамилию отца на другую.

В стране в мирной жизни за короткое время появилась огромная масса вмиг осиротевших детей, которых направляли в разбросанные по всей стране тысячи переполненных детских домов. В этих домах содержали детей от грудного возраста до школьного периода. Детей плохо кормили, били, наказывали за малейшую шалость. Рассматриваемые властью как потенциальные «враги народа», дети репрессированных родителей попадали под жесточайший психологический прессинг со стороны своих «воспитателей», а также «благополучных» сверстников. Появился термин «социально опасные дети», который повзрослевших детей репрессированных определял в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД. Несовершеннолетние «малолетки», попавшие в ГУЛАГ, содержались в практически тех же условиях, что и взрослые заключенные. Детей «врагов народа» презирали, били. Те из них, кто выжил и вышел на свободу, всю свою жизнь чего-то боялись, старались не рассказывать о своем прошлом и о пережитом.

Большинство этих детей не смогло получить достойное образование по сравнению со своими сверстниками, родители которых не пострадали от репрессий. По сравнению с не попавшим под репрессии населением страны, и так испытывавшим серьезные бытовые проблемы из-за войны и тех материальных потерь, которые понес Советский Союз: плохое пита-

ние, отсутствие большинства потребительских товаров и т. д., – «дети врагов народа» жили в еще более стесненных, а иногда просто невыносимых условиях. Они получали минимальное количество продовольствия, одежды, обуви, не говоря уже о предметах первой необходимости.

Судьба большинства детей, силою обстоятельств отнесенных к категории ЧСИР, как правило, трагична. Но еще более страшные испытания пришлось на долю детей, родившихся в тюрьмах и лагерях. Это были дети не только известных родителей, но и появившиеся на свет из-за весьма распространенного насилия по отношению к заключенным женщинам со стороны их тюремщиков. Лишь немногие из их числа смогли стать достойными людьми, узнать правду о своей семье, родителях, родственниках. Именно об этих бесправных, гонимых и презируемых детях и написал в одном из своих стихотворений Б. Слуцкий (см. Прил. 5).

В марте 1953 г. на смерть Сталина было написано огромное количество хвалебных и коленопреклоненных стихов. Мы не можем знать и судить все ли они были искренни, но лишь немногие советские поэты, и среди них Наум Коржавин, написали совсем иные стихи:

На смерть Сталина.

«Все, с чем Россия
в старый мир врвалась,
Так, что казалось, что ему пропасть, –
Все было смято... И одно осталось:
Его
неограниченная
власть...
В его поступках
лжи так много было,
А свет знамен
их так скрывал в дыму,
Что сопоставить это все
не в силах –
Мы просто
слепо верили ему.
Моя страна!
неужто жестоково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
неужто нынче
вся твоя судьба?
А может, ты поймешь
сквозь муки ада,
Сквозь все твои кровавые пути,
Что слепо верить
Никому не надо
И к правде ложь
Не может привести» [20, с. 48–49].

Смерть И. Сталина не покончила со сталинизмом, с его сутью. Именно это подметил

Б. Чичибабин в стихотворении 1959 г. «Клянусь на знамени веселом». В определенной степени его точный анализ сталинизма созвучен и с теми явлениями, которые бытуют и в наше время, когда из уст простых граждан, а порой даже и известных политиков и общественных деятелей раздаются здравницы в адрес «Вождя» или призывы к репрессиям, типа: «Мало репрессировали, надо было Сталину еще кой-кого уничтожить! Порядка не хватает!» При этом никто даже не задумывается о том, что в стране длительное время существовало абсолютное бесправие. Доносительство стало нормой жизни, а о доказательствах вины кого бы то ни было никто особо не беспокоился. Любой даже пустяковый, как правило, ложный, донос мог стать, как и признание вины в ходе избиений и издевательств, поводом для уголовного преследования, а то и расстрела (см. Прил. 6).

9 марта 1953 г. гроб с телом Сталина был помещен в Мавзолей, рядом с Лениным (в повседневном военном мундире с государственными наградами). С этого дня усыпальница советских вождей стала именоваться «Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина». Уже в ходе работы XXII съезда КПСС его делегаты, якобы по просьбе рабочих ведущих предприятий Ленинграда, выступили за «нецелесообразность» дальнейшего содержания саркофага с телом Сталина в Мавзолее. Это произошло 30 октября 1961 г., а уже 31 октября гроб с телом Сталина был убран из Мавзолея на Красной площади и зарыт в безымянной могиле у Кремлевской стены. Это происходило ночью, в обстановке строжайшей секретности, хотя слишком значительные меры предосторожности оказались чрезмерными, так как случившееся не вызвало в советском обществе и у советского народа ни серьезного беспокойства, ни волнений, ни протестов.

На вынос гроба И. Сталина из Мавзолея Ленина-Сталина стихотворением «Наследники Сталина», расколовшим общество на две части, откликнулся Е. Евтушенко (см. Прил. 7).

По сути, к сегодняшней ситуации, существующей в российском обществе в оценках И. Сталина и сталинизма, обращается Б. Окуджава в 1981 г. (см. Прил. 8).

Хотелось бы надеяться, что стихи выдающихся поэтов еще советской эпохи, знавших о культе личности И. Сталина не понаслышке, заставят кого-то задуматься и обратиться к качественным историческим трудам, повествующим о жизни в Советском Союзе в конце 1920-х – первой половине 1950-х гг. и о роли «Вождя» в происходивших в стране социально-политических процессах, стоивших российскому народу невероятных жертв.

Приложение 1

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову кует за указом указа:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина» [21, с. 196].

Приложение 2

Вступление.

«... Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

...

4.

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей –
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука – а сколько там
Неповинных жизней кончается...
Эпилог.

...Узнала я как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком мешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,

А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною» [22, с. 197–198,
199, 202–203].

Приложение 3

«Кадровую армию: Егорова,
Тухачевского и Примакова,
Отступавшую спокойно, здорово,
Наступавшую толково –
Я застал в июле сорок первого,
Но на младшем офицерском уровне.
Кто постарше – были срублены
Года за три с чем-нибудь до этого.
Кадровую армию, имевшую
Гордое именованье: Красная,
Лжа не замарала и напраслина,
С кривдою и клеветою смешанные.
Помню лето первое, военное.
Помню, как спокойные военные
Нас – зеленых, глупых, необстрелянных –
Обучали воевать и выучили.
Помню их железных и уверенных,
Помню тех, что всю Россию выручили.
Помню генералов, свежевыведших
Из тюрьмы
и сразу в бой идущих,
Переживших Колыму и выживших,
Почестей не ждущих –
Ждущих смерти или же победы,
Смерти для себя, победы для страны.
Помню, как сильны и как умны
Были отложившие обиды
До конца войны
Этой самой РККА сыны» [19, с. 94–95].

Приложение 4

«Сталин взял бокал вина
(Может быть, стаканчик коньяка),
Поднял тост – и мысль его должна
Сохраниться на века:
За терпенье!

Это был не просто тост
(Здравницам уже пришел конец).
Выпрямившись во весь рост,
Великанам воздавал малец
За терпенье.

Трус хвалил героев не за честь,
А за то, что в них терпенье есть.

– Вытерпели вы меня, – сказал
Вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал: «Ура!»

Вот каковская была пора.

Страстотерпцы выпили за страсть,
Выпили и закусили власть» [19, с. 291].

Приложение 5

«Дети врагов народа –
Дочери, сыновья,
Остаточная порода,
Щепки того дровья,
Что вспыхнуло и сгорело
В тридцать седьмом году,
Нынче снова без дела
С вами день проведу.

Длинные разговоры
Будут происходить.
Многие приговоры
Надобно обсудить.
Не обсудить, а вспомнить
Бедствия и людей.
Надо как-то заполнить
Этот бескрайний день.

Пасмурная природа
Птицы на юг летят.
Дети врагов народа
В детство свое глядят.
Где оно, детство, где оно?
Не разглядеть ничего.
Сделано дело, сделано.
Не переделать его» [19, с. 277].

Приложение 6

«Однако радоваться рано –
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не зная,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, – а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север –
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, –
не умер Сталин...
А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,

но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин...» [23, с. 20–21].

Приложение 7

«Безмолвствовал мрамор.
Безмолвно мерцало стекло.
Безмолвно стоял караул,
на ветру бронзовея.
А гроб чуть дымился.
Дыханье из гроба текло,
когда выносили его
из дверей мавзолея.
Гроб медленно плыл,
задевая краями штыки.
Он тоже безмолвным был –
тоже! –
но грозно безмолвным.
Угрюмо сжимая
набальзамированные кулаки,
в нем к щели глазами приник
человек, притворившийся мертвым.
Хотел он запомнить
всех тех, кто его выносил, –
рязанских и курских молоденьких
новобранцев,
чтоб как-нибудь после
набраться для вылазки сил,
и встать из земли,
и до них,
неразумных
добраться.
Он что-то задумал.
Он лишь отдохнуть прикорнул.
И я обращаюсь к правительству нашему с
просьбою:
удвоить,
утроить у этой стены караул,
чтоб Сталин не встал
и со Сталиным – прошлое...
Нет, Сталин не умер.
Считает он смерть поправимостью.
Мы вынесли
из мавзолея
его.
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?..
Велела не быть успокоенным Родина мне.
Пусть мне говорят: «Успокойся...» –
спокойным я быть не сумею.
Покуда наследники Сталина
живы еще на земле,
мне будет казаться,
что Сталин – еще в мавзолее» [24, с. 415–417].

Приложение 8

«Ну что, генералиссимус прекрасный,
потомки, говоришь, к тебе пристрастны?

Их не уговорить, не упросить...
Одни тебя мордуют и поносят,
другие все малюют, и возносят,
и молятся, и жаждут воскресить.

Ну что, генералиссимус прекрасный?
Лежишь в земле на площади на Красной...
Уж не от крови ль красная она,
которую ты пригоршнями пролил,
пока свои усы блаженно холил,
Москву обозревая из окна?

Ну что, генералиссимус прекрасный?
Твои клешни сегодня безопасны –
опасен силуэт твой с низким лбом.
Я счета не веду былым потерям,
но пусть в своем возмездье и умерен,
я не прощаю, помня о былом» [25, с. 386].

Список литературы

1. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. М.: Терра, 1998. 528 с.
2. Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 гг.: воспоминания генерал-лейтенанта НКВД. М.: Олма-Пресс, 1997. 688 с.
3. Симонов К. М. Уроки истории и долг писателя: заметки литератора // История без «белых пятен»: дайджест прессы, 1987–1988. Л.: Лениздат, 1990. С. 95–105.
4. Залесский К. А. Великая Отечественная: большая биограф. энцикл. М.: Аст, 2013. 832 с.
5. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 1998. № 2. С. 82–104.
6. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 1998. № 3. С. 19–38.
7. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 1999. № 4. С. 75–107.
8. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 1999. № 6. С. 67–107.
9. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2000. № 8. С. 122–155.
10. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2001. № 4. С. 55–63.
11. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2001. № 5. С. 33–42.
12. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2001. № 8. С. 3–9.
13. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2002. № 3. С. 3–16.
14. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2002. № 6. С. 14–24.
15. Черушев Н. С. Мартиролог РККА // Военно-исторический архив. М., 2002. № 11. С. 3–18.
16. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА, 1937–1941: командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные: биограф. словарь. М.: Кучково поле, 2012. 494 с.

17. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА, 1937–1941: комбриги и им равные. М.: Кучково поле, 2014. 526 с.
18. Пастернак Б. Доктор Живаго: роман. Кн. 2. Вильнюс: Вага, 1988. 252 с.
19. Слуцкий Б. А. Без поправок... М.: Время, 2006. 504 с.
20. Коржавин Н. М. Время дано: стихи и поэмы. М.: Худож. лит., 1992. 319 с.
21. Мандельштам О. Э. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси: Мерани, 1990. 416 с.
22. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 448 с.
23. Чичибабин Б. А. Колокол: стихи. М.: Совет. писатель, 1991. 272 с.
24. Евтушенко Е. А. Граждане, послушайте меня...: стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1989. 494 с.
25. Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. 711 с.

References

1. Suvenirov O. F. The Tragedy of WPRA, 1937–1938. M.: Terra, 1998. 528 (in Russ.).
2. Sudoplatov P. A. Special operation: Lybianka and the Kremlin 1930–1950: memoirs of lieutenant general NKVD. M.: Olma-Press, 1997. 688 (in Russ.).
3. Simonov K. M. The lessons of history and the duty of a writer: notes of a writer. *History without «blank spots»*: press digest, 1987–1988. L.: Lenizdat, 1990. 95–105 (in Russ.).
4. Zalessky K. A. The Great Patriotic War: a large biography encyclopedia. M.: Ast, 2013. 832 (in Russ.).
5. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 1998. 2, 82–104 (in Russ.).
6. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 1998. 3, 19–38 (in Russ.).
7. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 1999. 4, 75–107 (in Russ.).
8. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 1999. 6, 67–107 (in Russ.).
9. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2000. 8, 122–155 (in Russ.).
10. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2001. 4, 55–63 (in Russ.).
11. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2001. 5, 33–42 (in Russ.).
12. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2001. 8, 3–9 (in Russ.).
13. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2002. 3, 3–16 (in Russ.).
14. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2002. 6, 14–24 (in Russ.).
15. Cherushev N. S. Martyrology of the Red Army. *Military Historical Archive*. M., 2002. 11, 3–18 (in Russ.).
16. Cherushev N. S., Cherushev Yu. N. The executed elite of the Red Army, 1937–1941: commanders of the 1st and 2nd ranks, comcor, divisional commanders and their peers: biography vocabulary. M.: Kuchkovo pole, 2012. 494 (in Russ.).
17. Cherushev N. S., Cherushev Yu. N. The executed elite of the Red Army, 1937–1941: brigades and their peers. M.: Kuchkovo pole, 2014. 526 (in Russ.).
18. Pasternak B. Doctor Zhivago: a novel. Book 2. Vilnius: Vaga, 1988. 252 (in Russ.).
19. Slytsky B. A. Without amendment... M.: Vremia, 2006, 504 (in Russ.).
20. Korzhavin N. M. Time is given: verses and poems. M.: Khudozh. lit., 1992. 319 (in Russ.).
21. Mandel'stam O. E. Poems. Translations. Essays. Articles. Tbilisi: Merani, 1990. 416 (in Russ.).
22. Akhmatova A. A. Composition: in 2 vols. M.: Tsitadel', 1997. 1, 448 (in Russ.).
23. Chichibabin B. A. Bell: verses. M.: Soviet writer, 1991. 272 (in Russ.).
24. Yevtushenko E. A. Citizens, listen to me ...: verses and poems. M.: Khudozh. lit., 1989. 494 (in Russ.).
25. Okudzhava B. Sh. Verses. SPb: Academical project, 2001. 711 (in Russ.).